

Мужчины — такие существа, что от их запаха пота она старалась держаться на расстоянии трёх чи. Она предпочла бы вонь разлагающихся тел, чем этот вонючий, кислый запах мужского пота.

По сравнению с ними, её старшая сестра по учёбе всегда пахла приятно, даже превратившись в демона-города, убив множество людей и поглотив упыря-хоу, она оставалась свежей и чистой, с естественной прохладой.

Они прошли через ещё одни ворота, охраняемые солдатами, и попали во внутренний город.

Здесь дороги были вымощены каменными плитами, людей стало меньше, а дома вдоль улиц были уже не одноэтажными. Лавки в основном были двух- или трёхэтажными, а среди них возвышались особняки с высокими воротами, охраняемые сильными слугами или стражами, с каменными львами и прочими охранными существами у входа.

Фэн Девятнадцатый, войдя во внутренний город, начал рассказывать:

— Слева от главной дороги впереди рынок, дальше — резиденция городского правителя, а наш клан Фэн справа, вот, в том переулке впереди. Переулок, где находится наш дом, называется Переулок Пурпурного Маркиза, в честь одного из наших предков, Пурпурного Божественного Маркиза, и насчитывает уже более трёх тысяч лет. Клан Фэн с гор Циньлин, в городе Циньчжоу мы занимаем половину города, это и слава, и бремя ответственности.

Подойдя ближе, Лун Чи поняла, что, хотя говорят, что живут в Переулке Пурпурного Маркиза, это было не совсем так, а скорее немного бесстыдства.

Боковые ворота клана Фэн выходили в Переулок Пурпурного Маркиза, а главные ворота находились на главной улице и были построены более величественно, чем управление городом. У входа стояли стражи в серебряных доспехах, на нарукавных повязках которых слева был вышит иероглиф «Фэн», а справа — «Страж».

Медные ворота, выкрашенные в красный цвет, центральные ворота были достаточно широки, чтобы через них могли проехать две повозки, а по бокам были боковые ворота, которые были больше, чем ворота многих богатых домов, которые видела Лун Чи.

В этот момент у ворот ровными рядами выстроились две шеренги стражей, не подпуская посторонних.

Все трое ворот были распахнуты, роскошный ковёр был расстелен от самого дома до улицы.

У ворот собралось множество людей, только в поле зрения Лун Чи их было не меньше сотни.

Впереди стоял мужчина средних лет, чей возраст было трудно определить, и женщина лет тридцати с изысканной внешностью. За ними — четверо людей, похожих на него, а в коляске

сидел пожилой мужчина на вид лет шестидесяти-семидесяти, худощавый и болезненный, который не сводил глаз с Нань Лицзю.

Лун Чи подумала: «Это как будто мы с ней в одной лодке». Она огляделась и спросила Нань Лицзю:

— У твоего дедушки по матери важные гости?

Она посмотрела на следы, которые её рваные сандалии оставляли на ковре, и даже при всей своей толстокожести ей стало неловко.

Нань Лицзю спокойно ответила:

— Нет.

Лун Чи подумала: «Врёшь, если бы не было важных гостей, вся семья не вышла бы встречать, и ворота не были бы распахнуты настежь». Она только что подумала об этом, как увидела, как члены клана Фэн вышли им навстречу. Первый из них, со слезами на глазах, глядя на Нань Лицзю, воскликнул:

— Сяо Цзюэр.

Нань Лицзю кивнула и тихо позвала:

— Прадедушка.

Потом посмотрела на мужчину постарше:

— Дедушка, второй дедушка, третий дедушка, четвёртый дедушка.

Что касается остальных, она их не узнала, лишь слегка кивнула, когда их взгляды встретились, и не стала представлять Лун Чи.

Старейшина клана Фэн, Фэн Ванбэй, то есть прадед Нань Лицзю по матери, взволнованно произнёс:

— Пожалуйста, проходите, проходите.

Потом поклонился Лун Чи:

— Молодой Женьшеневый Владыка, прошу.

Лун Чи сжала губы в улыбке:

— Зовите меня просто Лун Чи.

Она толкала коляску Нань Лицзю внутрь, скользя взглядом по окружавшим их людям, и убедилась, что это действительно встречают Нань Лицзю. Она подумала: «В самом деле, даже разбитый корабль держится на трёх гвоздях. Хотя Дворец Сюаньной был уничтожен,

правительница города Уван всё же может заставить свою материнскую семью так широко открыть ворота для встречи».

Затем они обошли декоративную стену-ширму, прошли через передний двор и попали в главный зал, где началось знакомство с родственниками.

Лун Чи снова воочию увидела, что такое большая семья.

Клан Фэн, главная ветвь. Отсчитывая от старейшины Фэн Ванбэя: внизу — четыре сына и три дочери. Дочери вышли замуж, четыре сына остались в доме. Старший сын, дед Нань Лицзю по матери, Фэн Цзяньюань, женился на бабушке Нань Лицзю по матери, стал инвалидом, имел одну дочь, которая взяла фамилию Нань и унаследовала Дворец Сюаньной и владения города Уван. Второй сын, Фэн Цзянье, имел семь сыновей и тринадцать дочерей, с множеством жён и наложниц — наложницы не имели права появляться в главном зале, да и Лун Чи не было интересно знать, сколько у кого наложниц. Третий сын, Фэн Цзяньчэн, то есть дед Фэн Девятнадцатого, имел трёх сыновей и ни одной дочери. Четвёртый сын, Фэн Цзяньцзун, имел двенадцать сыновей. Эти сыновья также делились на законнорождённых и побочных. Когда представляли законнорождённых, говорили: «Это сын такой-то тётушки», — а побочных просто называли «такой-то двоюродный дядя».

Лун Чи подсчитала: у Нань Лицзю, даже без родных дядьёв по матери, было четырнадцать двоюродных дядьёв. Правда, не все они были здесь: старший и восьмой дяди командовали войсками в лагере, второй дядя был на совещании в резиденции городского правителя и вернётся позже. Также особо упомянули, что хотя второй дядя был двоюродным, он был усыновлён дедом Нань Лицзю по матери, Фэн Цзяньюанем, и с точки зрения ритуала и законов стал старшим внуком, наследником владений Фэн Цзяньюаня и продолжателем его рода.

Что касается поколения Нань Лицзю, законнорождённых и побочных детей вместе набиралось больше сотни, и здесь собралось человек сорок-пятьдесят, от людей среднего возраста до младенцев на руках, у которых ещё текли слюни. Лун Чи впервые видела такую огромную семью, и это была только главная ветвь, не считая боковых ответвлений и близких родственников.

Она подумала о своей семье: десять тысяч лет, а она одна-единственная отпрыск, просто жалко.

Конечно, в её семье всё же было трое, и владения остались, не то что у Нань Лицзю — одна-единёшенька.

К счастью, шумную толпу родственников быстро разогнал старейшина. Они, покрытые пылью дороги, не стали долго задерживаться на разговорах, и после приветствия прабабушка Нань Лицзю по матери проводила их в гостевой двор умыться.

Фэн Цзяньюань сказал:

— Отец, мать, Цзюэр — моя внучка, пусть лучше поселится в нашем доме, в старшей ветви. В своё время Дворец Сюаньньюй передал мне на хранение некоторые владения, теперь, когда Цзюэр здесь, я могу их вернуть.

Услышав это, старейшина кивнул:

— Хорошо.

У многих изменились лица, некоторые украдкой обрадовались или с злорадством посмотрели на других.

Лун Чи видела это, но делала вид, что не замечает. Большая семья, один предок, столько потомков, есть законные и побочные — конкуренция, должно быть, очень жёсткая. Она вдруг поняла, почему Фэн Девятнадцатый, несмотря на всю свою занятость, нашёл время сопровождать их и был так радушен к Нань Лицзю, называя её только по старшинству. Так проще запомнить.

Усадьба старшей ветви находилась в самом центре, рядом с главным двором, двор был большим, с несколькими боковыми двориками.

В старшей ветви, кроме Фэн Цзяньюаня, была только его приёмная семья — второй сын и его жена, которая управляла двором.

Жена второго сына, хорошо сохранившаяся, выглядела лет на тридцать с небольшим, была очень энергичной и относилась к Нань Лицзю с теплотой, больше чем к родной племяннице, всем видом показывая, как от всего сердца хочет быть хорошей для Нань Лицзю. Конечно, и Лун Чи не обделили вниманием, радушно встретили, устроили, предоставили место для умывания и даже хотели выделить служанок для Нань Лицзю и Лун Чи, отправив свою главную служанку привести людей.

Нань Лицзю сказала:

— Тётушка, не беспокойтесь, просто пришлите двух служанок для чёрной работы, остальное она сделает.

И указала на Лун Чи.

Лун Чи чуть не швырнула меч в лицо Нань Лицзю:

— Какая наглость! Ты уже всю дорогу меня использовала, а теперь, когда ты нашла своего родного деда, ты снова хочешь мной помыкать. Я не обязана твоему отцу, а нет, я даже не обязана своему учителю, я просто выполняю его последнюю волю — заботиться о тебе, а ты ведёшь себя так, будто я тебе должна!

Нань Лицзю холодно сказала:

— Повтори последнюю волю твоего учителя.

Лун Чи ответила:

— Заботиться, а не прислуживать!

Она выругалась:

— Проклятый демон-город!

И изо всех сил толкнула коляску Нань Лицзю в сторону большого сосуда с золотыми рыбками и лотосами.

Нань Лицзю отреагировала мгновенно, устойчиво удержала кресло, развернулась и ударила Лун Чи, сначала связала меч, потом и саму Лун Чи, подняла и принялась лупить, снова по заднице. Она отшлёпала её больше десятка раз, но Лун Чи не сдавалась, ещё и орала:

— Чтобы я тебе прислуживала? Ты с ума сошла, в ясный день бредишь, проклятый демон-город...

Кричала до половины и вдруг обнаружила, что её штаны стянуты.

Жена второго сына поспешно крикнула:

— Эй, Цзюэр...

Нань Лицзю сказала:

— Тётушка, не вмешивайтесь. Её нужно отшлёпать раз в три часа, иначе полезет на крышу.

Жена второго сына была в шоке от своей «племянницы»! Наследную хозяйку Обители Женьшеневого Владыки взять и использовать как личную служанку, а если та не слушается — лупить.

Нань Лицзю, видя, что Лун Чи всё ещё не сдаётся, прямо стащила с неё штаны.

<http://bllate.org/book/15297/1351473>